

Д.Ю. Шигашов

**Реабилитация
детей и подростков,
пострадавших
от сексуального
насилия**

Издательство «Наука и Техника» 2010

Д.Ю. Шигашов. Реабилитация детей и подростков, пострадавших от сексуального насилия — СПб.: Наука и Техника, 2010. — 240 с.

ISBN 978-5-94387-493-2

Рецензенты:

Л.П. Рубина — главный детский психиатр Комитета по здравоохранению Правительства Санкт-Петербурга

О.Е. Сергеев — председатель постоянной комиссии по здравоохранению и экологии Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

И.С. Риммер — депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, президент Общественной палаты Санкт-Петербурга

Книга Д.Ю. Шигашова «Реабилитация детей и подростков, пострадавших от сексуального насилия» представляет собой обобщение 15-летнего опыта врача-психиатра, исследовавшего разнообразие психических последствий психологических травм у детей и подростков, полученных ими в результате сексуального принуждения. В книге рассматриваются клинико-диагностические, психологические, социальные и организационные аспекты реабилитации несовершеннолетних жертв насилия.

Данное издание адресовано врачам — психиатрам и психотерапевтам, клиническим психологам, педагогам, сотрудникам социальных служб и правоохранительных органов, работающим с пострадавшими от насилия.

ISBN 978-5-94387-493-2

© Д.Ю. Шигашов, 2010

© Наука и Техника, 2010

Книга Д.Ю. Шигашова «Реабилитация детей и подростков, пострадавших от сексуального насилия» представляет большой интерес не только для профессионалов — врачей-психиатров, психотерапевтов и медицинских психологов. Также ее изучение будет полезно для работников правоохранительных органов, работающих с пострадавшими от насилия. Книга написана вполне доступным для понимания неспециалистами языком, описывает психологические проблемы, возникшие у жертвы насилия, и позволит сотрудникам милиции более полно понять ее чувства и переживания и вести свое расследование менее травматично для ее психологического состояния. Также видится польза данной книги для сотрудников социальных служб, работающих в сфере оказания помощи семье и детям. Она поможет им вести воспитательно-просветительскую работу в семьях, где имеются факты домашнего насилия, сексуального в том числе.

Неоценимую пользу получают, прочитав это издание, и родители детей, пострадавших от насилия. Описанные в книге методологии и этапы терапии основаны на психологическом анализе большого количества случаев и построены на основе анализа методик как советских, российских, так и зарубежных авторов. Приведенные примеры и случаи из врачебной практики автора дают правильный ориентир в выработке родителями и врачом совместной стратегии по лечению пострадавшего ребенка.

Врачи-психиатры и психотерапевты почерпнут из данной книги не только бесценный опыт богатой клинической практики автора, но и разъяснения, касающиеся опасности контрпереноса переживаний пациента, что даст им возможность избежать собственной профессиональной деформации и профессионального «выгорания» психотерапевта. Также эта работа будет небезынтересна и широкому кругу неспециалистов, интересующихся вопросами психологии, и родителей, заинтересованных в гармоничном воспитании ребенка.

*Депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга,
президент Общественной палаты Санкт-Петербурга
И.С. Риммер*

Изучение психических последствий у пострадавших от сексуальной и физической жестокости является современным направлением изысканий в виктимологии — науки о людях, переживших опыт преступного принуждения. Роль таких исследований важна как с индивидуальной, так и с коллективной точки зрения.

Пострадавший индивид несет воспоминание о незаслуженном принуждении, о вторжении в его личную, интимную сферу. Душевная боль и обида надолго остаются в сознании такого человека и вызывают напряженность и недоверие по отношению к людям. Общество осуждает преступления, совершаемые на почве сексуальных отношений, но страх перед их циничностью и бесчеловечностью не всегда позволяет открыто обсуждать существующую проблему и, соответственно, эффективно помогать пострадавшей стороне.

Над данным исследованием автор работал более пятнадцати лет. В работе исследованы пострадавшие вследствие сексуального насилия и физической жестокости подростки и их семьи, описаны психологические конфликты пострадавших и способы их разрешения, отношение окружающих членов общества и семьи к пострадавшим, факторы, повышающие дополнительный риск развития нежелательных психических последствий у пострадавшей стороны.

Книга Д.Ю. Шигашова заставляет задуматься не только специалистов, работающих в системе службы психического здоровья, социального обеспечения и педагогики, но и любого неравнодушного читателя, способного оказать помощь пострадавшим вследствие преступления против личности.

*Председатель постоянной комиссии по здравоохранению
и экологии Законодательного Собрания Санкт-Петербурга
О.Е. Сергеев*

Книга Д.Ю. Шигашова «Реабилитация детей и подростков, пострадавших от сексуального насилия» представляет собой обобщение 15-летнего опыта врача-психиатра, исследовавшего разнообразие психических последствий психологических травм в результате совершенного в отношении подростков преступного принуждения. Наука о людях, пострадавших от сексуальной и физической жестокости — виктимология — изучает широкий круг проблем, формирующихся у пострадавшей личности, ее семьи и ближайшего окружения.

Автор предлагает апробированные способы разрешения психологических конфликтов, возникающих на почве непонимания стереоскопичности последствий переживания насилия.

Опубликованные материалы могут быть использованы в качестве информационного пособия для врачей, клинических психологов, педагогов, работников социальных служб, а также студентов-медиков, психологов, социологов и педагогов.

*Главный детский психиатр Комитета по здравоохранению
Правительства Санкт-Петербурга
А.П. Рубина*

Содержание

Введение	8
Глава I. Преддиспонирующие факторы	19
Характерные особенности поведения пострадавших	21
Семейные факторы формирования виктимности подростков	26
Психосоциальные и объективно-психологические характеристики семей подростков, подвергшихся сексуальному насилию.....	26
Типы нарушений воспитания и виктимологические характеристики поведения подростков по данным опросника АСВ.....	27
Особенности взаимоотношений в семьях подростков — жертв внесемейного насилия (по данным опросника АСВ).....	28
Механизмы «виктимизирующего» воспитания	30
Виктимологические особенности внутрисемейного насилия	37
Динамика семейного насилия	37
Поведение членов семьи, потворствующих насилию в семье.....	39
Влияние особенностей характера на нарушения психической адаптации у пострадавших	41
Глава II. Мнение общественных экспертов о показателях преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и их ближайшего окружения (З.Д. Бодановская, О.С. Левина, К.Ю. Ерицян)	45
Глава III. Психические последствия	57
Клиническая типология и динамика психических нарушений у жертв сексуального насилия	59
Клинико-динамическая характеристика психогенных расстройств у девушек подросткового возраста	59
Клинико-динамическая характеристика психогенных реакций.....	61

Клинико-статическая характеристика психогенных нарушений	64
Адаптационные расстройства	69
Тревожная реакция.....	71
Меланхолическая реакция	74
Астено-ипохондрическая реакция.....	77
Острые психотические реакции	81
Влияние вторичных психогенных факторов на психическое состояние потерпевшей	93
Межличностный конфликт	93
Повторная криминальная травматизация.....	96
Соматические последствия	97
Глава IV. Терапия и реабилитация пострадавших от сексуального насилия	99
Психотерапия	101
Общие положения и симптомы-мишени при оказании психотерапевтической помощи пострадавшим	101
Модели психической травмы пострадавших.....	105
Феноменологическая модель.....	105
Психодинамическая модель	113
Принципы интегративной терапии и основные симптомы-мишени	124
Специальные методики в работе пострадавшими от сексуального насилия	124
Результаты и оценка эффективности краткосрочной интегративной психотерапии	128
Организационные аспекты оказания помощи пострадавшим от сексуального насилия	130
Заключение	143
Литература	145
Приложение. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	160

Введение

Семидесятые годы XX столетия стали знаковыми в открытии широкого диалога медицинской общественности о сексуальной жестокости в отношении детей. На протяжении десяти последующих лет проходили глобальные изменения в определении масштабов сексуальных преступлений, медицинских последствиях, установлении зоны компетенции и необходимого медицинского вмешательства. К концу XX века данные о сексуальных преступлениях в отношении детей дополнились многочисленными исследованиями взрослого населения. Более структурированными и понятными стали термины «домашнее насилие», «изнасилование», «совращение». А конфликты военного характера дополнили наши представления о сексуальном принуждении многочисленными известиями о насилии над пленными. Исследование проблемы приобрело научный оттенок, появились публикации не только о характере симптомов и психотерапии пострадавших, но и об изучении насилия в отдельных этнических группах, насилия над мальчиками, насилия в закрытых учреждениях, в семье.

Вместе с тем существенное моральное значение проблемы отразилось и на культурологической оценке. В разные временные периоды насилие рассматривалось как элемент сексуальной культуры, историческое наследие и даже как вариант доминирования одного из полов над другим. Увлекаясь веяниями осуждения и неприятия насилия, общественное сознание находило все больше признаков сексуального принуждения в политических, семейных, поведенческих традициях отдельных обществ. Наряду с этим закономерности общественного развития различных культур неоднозначно интегрировали признаки сексуального принуждения в обычные понятия. Восточная культура осталась практически

безучастной к широкому обсуждению фактов сексуальных преступлений, западная же отреагировала полномасштабной реакцией общественных институтов. Были затронуты некоторые взгляды на нормы сексуального поведения, семейные устои, профессиональные отношения, что в ряде стран стало основанием для гражданских процессов и крупных политических скандалов. Наиболее радикальной реакцией общества стала феминистическая концепция. Однако по-прежнему оценка характера и последствий сексуального насилия у широких слоев населения различных государств, конфессий, культур является неоднозначной и подчас диаметрально противоположной, что служит несомненным основанием для того, чтобы утверждать, что действительные масштабы сексуальных преступлений и определение понятия «сексуальное насилие» еще долго останутся неопределенными.

В настоящее время можно утверждать, что понятие «насилие» приобретает общепринятое значение благодаря развитию общественного сознания человека. Представления о насилии сопряжены с такими широкими понятиями, как общественная и личная безопасность, свобода, допустимость и вмешательство извне, соблюдение моральных норм. Незыблемые механизмы подчинения, выражающиеся в доминировании и повиновении, так широко проявляющие себя в административной и политической иерархии, в отношениях между конкретными людьми приобретают оценку неопозволительного принуждения. В то время как доминирование у животных никогда не характеризуется современным языком как насилие.

Семантически выделяя понятие «насилие» из других сопряженных понятий нужно отметить, что «агрессия» с одной стороны и «жестокость» — с другой очень четко ограничивают «насилие». Так же, как меланхолическое настроение выделяется из тревожного и астенического, так и насилие характеризуется только ему одному присущим общественным и индивидуальным смыслом и поведенческим выражением.

Животный организм, будь то хищник, пресмыкающееся, одноклеточное, не способен ни в индивидуальной, ни в коллективной форме на какое-либо насилие. Понятно, что страдания и разрушения, которые приносят человечеству силы природы, также нельзя охарактеризовать этим словом.

Невозможно отнести насилие в своем поведенческом выражении к немотивированному подсознательному действию или какому-либо иному иррациональному психическому феномену. И здесь нужно понимать определенную разницу между насилием и агрессией. Известно, что агрессия носит прежде всего биологическое значение и связана с инстинктивным стремлением к самосохранению. Мы имеем в виду тот вид разрушительных и маломотивированных поступков, который сопровождается яркой эмоциональной окраской в виде ярости или неистовства. Приближаясь вплотную к крепелиновской «склонности к разрушению», агрессия в ее первичном интуитивно-побудительном выражении может выражаться как в приносящем физическое страдание любому одушевленному объекту действию, так и направляться на неодушевленный предмет.

В коротком отступлении отметим, что агрессия, как и аутоагрессия, хорошо известна в психиатрической практике. Больные с психическими расстройствами используют аутоагрессию как некую защиту от мучительных душевных переживаний. Известно, что аутоагрессия возникает при депрессивных расстройствах и является результатом влечения к физическому самоуничтожению. Или же аутоагрессия может существовать в качестве компенсации, как избавление от душевного страдания. Физическая боль, причиняемая психопатизированной личностью самой себе, оказывается менее мучительной, чем душевная. Она служит в первом случае понятным и более адекватным для самого больного выражением болезненного состояния, а во втором — является неким отвлекающим от болезненного переживания фактором.

Вероятно, аутоагрессию можно наблюдать и в животном мире. Встречаются хищники, которые, попадая в капкан,

перегрызают себе конечность, обрекая тем самым себя на физическую боль и верную гибель. Возможно, те мучения, которые испытывает зверь от неволи, гораздо сильнее тех, которые он причиняет себе сам в стремлении высвободиться от сдерживающих пут.

В любом случае агрессия, как и аутоагрессия, является результатом чрезмерно выраженного или извращенного инстинкта самосохранения (агрессивно-оборонительного инстинкта), в то время как насилие, производимое в качестве действия, имеет к инстинкту самосохранения весьма отдаленное отношение.

Насилие, так же как и агрессия, может иметь защитный характер, но лишь только в том случае, когда это является способом разрешения социального или межличностного напряжения. Отличительной особенностью в данном случае является появление мотива, обосновывающего насильственное действие.

Это в основном касается военного насилия или насилия группы лиц, охраняющих свои интересы. В более широком смысле современная судебная-исполнительная система — это результат цивилизованного коллективного насилия, ритуал, заменивший суд старейшин и более древний институт жертвоприношения. Основным мотивом в данном случае является мотив справедливого возмездия. Неслучайно в последнее время все чаще говорят об экспансии судебной-правовой системы. Всплеск насилия в современном обществе вызывает коллективную жажду возмездия, требующего неукоснительного исполнения «обряда судебного жертвоприношения». Поскольку уровень социального страха и напряженности достаточно высок, субъект жертвы правовой системы быстро исчезает из коллективного поля зрения. И только по прошествии некоторого времени, а это мы хорошо знаем из своей недавней истории, общество подводит итоги и раскаивается в неоправданном употреблении законной власти, готовя себе почву для новых «жертвоприношений».

Следует отметить, что понятие «жестокость» также несопоставимо с сутью насилия. Несмотря на то, что жестокость — еще более выраженный результат «работы» человеческой психики, чем само насилие, в случае жестокости мы сталкиваемся с такими понятиями, как «мораль», «достоинство», «унижение». Эти последние понятия никоим образом не могут касаться животного мира, агрессии и аутоагрессии, но их неразрывная связь с жестокостью также ставит ее особняком и от насилия.

Жестокость — это всегда причинение морального унижения достоинству физическим или же каким-либо другим способом, осуждаемое общественным мнением, в то время как некоторые формы насилия общество принимает как наиболее адекватные меры справедливости (имеются в виду насильственные меры в отношении преступников).

Несмотря на вышесказанное, насилие может носить черты агрессивности и жестокости, оно также может быть направлено как на отдельную жертву, мужчину или женщину, так и на группу лиц, но суть этого феномена в том, что само насилие всегда неразрывно связано с чувством удовлетворения у лица, производящего насилие, и отвращения у лица, его испытывающего. В силу этого понятие «насилие» часто используется в контексте сексуальности, и предполагается, что оно преимущественно осуществляется в отношении женщин. Таким образом, понятия «насилие» и «изнасилование» часто приобретают одинаковое значение. Иллюстрацией данного утверждения является определение изнасилования, которое находим в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1894): «Изнасилование обозначает совокупление мужчины с женщиной без согласия последней».

Считается, что насилие совершается с определенной долей принуждения, направленного на преодоление возможного сопротивления жертвы. В этом смысле мы находим характерным определение Kraft-Ebing (1909): «Изнасилование — это любое внебрачное половое сношение, которое совершается

либо с девушкой, либо со взрослой женщиной при условии угрожающих или прямо насильственных действий над нею или же при нахождении ее в бессознательном состоянии или в состоянии беззащитности».

Хотя в настоящее время данное определение можно отнести и к отношениям внутри семьи, из всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что понятие «насилие» как в быденном, так и в научном понимании обозначает действие осознанное, совершаемое против намерения лица, над которым производится.

В данном случае мы не рассматриваем проблему в отрыве от конкретного индивида, преступника или его жертвы. Мы пытаемся отделить само стремление к насилию, в определенной степени возникающее у обоих индивидов, от их первичных, инстинктивных побуждений. Не хочется верить в то, что насилие заложено в природе человека, в его побуждениях и неистребимых жизненных потребностях. В научном и литературном мире и без того создано достаточно много роковых закономерностей, создающих почву для фатальных предубеждений.

Рассматривая с исторической точки зрения то, что принято называть насилием, мы видим, что многие неприемлемые в современном мире формы поведения в древних культурах существовали как ритуалы и поведенческие особенности. В описаниях историков и культурологов мы находим массу примеров, привычных для определенной эпохи наказаний и сексуального поведения, которые в применении к современным отношениям между людьми можно охарактеризовать как насильственные.

Однако социальные и нравственные нормы, каким бы странным это ни показалось, постоянно меняются, и уже в некоторых «феминизированных» обществах правила привычного этикета, построенные на различиях между полами, становятся оскорбительными и даже преступными. Например, попытка пропустить даму вперед в дверном проеме приравнивается к сексуальному притязанию,

а невинный комплимент — к попытке оскорбления. Подобные действия рождают все больше судебных исков и конфликтов межличностного характера.

Это происходит благодаря изменению социально-психологических, юридических и поведенческих условий жизни в обществе, в котором постоянно изменяются границы безопасности. Современная личность становится более индивидуализированной, независимой и автономной, и многие связанные с воздействием на нее влияния часто расцениваются как насилие. С изменением привычных обстоятельств социального существования изменяются сами границы допустимости воздействия на одну личность со стороны другой.

Необходимо отдельно поговорить об общественной оценке пострадавших. Само отношение к пострадавшему, униженному индивиду, хотя это и может показаться неестественным, зачастую носит характер общественного осуждения. Заметим, что психические последствия насилия, о которых будет сказано ниже, достаточно редко характеризуются грубыми и необратимыми симптомами у пострадавших, но, несмотря на это, общество тонко замечает психологические «следы» произошедшего и выделяет жертву из общего числа лиц, избежавших подобного опыта. Возникает суждение о спровоцированности и предопределенности насилия над этой личностью. В результате можно услышать обвинения в адрес лица, пережившего насилие, связанные с его поведением («не надо было так одеваться», «зачем туда пошла») и оценкой личности («не могла за себя постоять»).

Сам факт общественного отвержения пострадавшего индивида, скорее всего, свидетельствует о коллективной психологической защите. Признаки данного феномена могут подтверждаться следующими доводами: во-первых, при раскрытии факта насилия без осведомленности об обстоятельствах преступления и знакомства с самой жертвой реакция общественного мнения, вероятнее всего, носит характер коллективной реакции на сигнал о неизвестной опасности.

Личность отдельного члена общества на данное известие реагирует тревогой в отношении самой себя. При дальнейшем рассмотрении ситуации, наряду с интересом к обстоятельствам случая насилия, общественное мнение осуждает лиц или условия, способствующие преступлению. Причем виновником не всегда оказывается преступная сторона. В значительном количестве случаев осуждаемыми становятся третьи лица или же сама жертва. Во-вторых, более внимательное знакомство с обстоятельствами случившегося и личностью пострадавшего человека приводит к сожалению о произошедшем и сочувствию к жертве. Однако, в-третьих, отдаленные воспоминания о событии насилия некоего малознакомого лица вызывает двойственное отношение у субъекта, посвященного в обстоятельства. Амбивалентность выражается прежде всего в сочувствии пострадавшему индивиду с одновременным желанием отстраниться от него.

Можно утверждать, что механизм отвержения обществом пострадавшего сходен с общественным притеснением больных с психическим расстройством. Общество выделяет их из общего числа здоровых, ограничивая душевнобольных в их правах. Речь идет о тех социальных и морально-нравственных ограничениях, которые никоим образом не оправдываются клиническими особенностями, а строятся лишь на бытовых предубеждениях. В психиатрии данный феномен носит название **стигматизации**. По мнению специалистов Научно-исследовательского института им. В.М. Бехтерева, в основе стигматизации лежит страх перед душевнобольными.

Вероятно, благодаря тем же механизмам стигматизации общественное мнение зачисляет жертву насилия в число больных и отвергнутых обществом людей. Разница заключается лишь в том, что общество отторгает пострадавшую не из-за страха перед ней, а из-за страха перед тем, что с ней произошло.

Примером стигматизации пострадавших от насилия может служить тот факт, что в некоторых архаических обществах существует поверье, что если пострадавшая от насилия осталась жива, значит, она лишилась чести. В подобных обществах жертва не может рассчитывать на благоприятное социальное существование. Брак становится невозможен, и ее личные контакты нарушаются. Характерно, что у южных народов нашего государства гнев, обрушиваемый на преступника, часто толкает родственников пострадавшей и ближайшее микросоциальное окружение на самосуд. Преступников забивают камнями, сжигают заживо, отрубляют голову. В этих обществах случаи изнасилования крайне редки, однако высока вероятность других форм насилия над людьми. Отношение к пострадавшей в данном случае характеризуется ее отторжением. В этой ситуации в самом благоприятном случае пострадавшая может рассчитывать на брак только с кем-то из дальних родственников. Удивительно, что в такой строгой атмосфере противодействия насилию со стороны членов данного общества агрессия по отношению к людям других культур вполне допустима и даже в ряде случаев приемлема.

Вероятно, из-за описанных выше факторов, лица, посвященные в обстоятельства насилия, узнавая подробности случившегося, обыкновенно испытывают возмущение произошедшим и сочувствие к пострадавшей, однако страх перед циничностью преступления и воспоминания о горечи принуждения к собственной личности, когда-либо имевшем место, не позволяет очевидцам обстоятельств сформулировать позицию, безоговорочно осуждающую преступление. Интересуясь сутью события, общество отторгает пугающие подробности, одновременно отторгая и саму жертву. Пострадавший человек в определенной степени становится носителем «клейма», символизирующего горький опыт незаслуженного страдания. Таким образом, психологическая защита в форме общественного осуждения пострадавшей

приобретает черты стигматизации и коллективно бессознательно ставит ее в один ряд с душевнобольными, отверженными и неприкасаемыми.

Справедливости ради отметим, что общественное осуждение пострадавшей — не единственный из способов коллективной защиты. Противоположная реакция общества, совершаемая в качестве оправдания действий жертвы, ранит ее не меньше. Правда, последствия подобной реакции сказываются позже, но психологическая суть оправдания, как и осуждения, выражается попытке общества отреагировать на мифическую вину пострадавшей, и эта «вина» благодаря подобной реакции общества надолго фиксируется как в сознании самой жертвы, так и в ее восприятии обществом.

В виктимологической практике нередко приходится сталкиваться со случаями повторного насилия в закрытых криминальных субкультурах и патологических семьях. Основанные на принципах насилия некоторые варианты взаимоотношений между людьми в данных микросоциальных группах приобретают характер культового поведения и существуют в усиленной форме. В данном случае мы имеем дело с гипертрофированным принципом патернализма, воплощаемым в жизнь патологической личностью вне зависимости от ее пола и возраста. Многие ее действия для членов микросоциума носят характер бесспорности и неотвратимости. В ситуации насилия личность пострадавшего воспринимает происходящее с определенной степенью допустимости, упускает из внимания противоестественность и неадекватность события субъективным представлениям о личной безопасности, свободе и комфорте. Насилие как для жертвы, так и для преступника приобретает значение объективности, что в укрупненном масштабе отражается в законах макросоциального общества.

Все сказанное по поводу оценки насилия обществом в определенной степени касается и самой пострадавшей. В особенности это касается незрелых в психическом отношении

девушек-подростков. Пострадавшие от насилия, они спонтанно высказывают обвинения в свой адрес, вменяя в себе вину доверчивость при знакомстве с преступником, вызывающее поведение, яркую одежду... Однако при этом упускается тот факт, что некая демонстративность, способность привлечь к себе внимание при благоприятных условиях помогает той же пострадавшей устанавливать наибольшее количество социальных контактов, предоставляет возможности оптимального выбора общения.

Несомненно, что при формировании комплекса вины пострадавшей сказывается страх перед возможными социальными и физическими последствиями. Особенно это характерно для подростков, у которых только приобретаются навыки самостоятельного социального поведения, строятся представления и устанавливаются межличностные контакты, используемые для образования опыта зрелой личности. Не будем забывать и о том, что в данном возрасте происходит окончательное формирование физической конституции, что также субъективно важно для пострадавших.

Вероятно, комплекс вины в подобных случаях складывается из острого переживания неспособности создать условия для собственного благоприятного социального существования и физического развития, сожаления о мнимых последствиях перенесенного насилия. Однако в поведенческом выражении адекватность самообвинения как степень индивидуальной предрасположенности к претерпеванию насилия выражается еще и в общем объеме осведомленности о законах и представителях референтного социума, а также от уровня культуры, образования и особенностей семейного воспитания.

Вместе с тем, как в силу индивидуально-психологических, так и в силу коллективно-бессознательных механизмов, пострадавшие от насилия (да и само общество) признают допустимость насилия и преуменьшают психические последствия перенесенного преступления.

Глава I

Преддиспонирующие факторы

Характерные особенности поведения пострадавших

Поведение пострадавшей — одно из наиболее деликатных обстоятельств, характеризующих ситуацию насилия. Ряд действий пострадавшей, непосредственно предшествующих ситуации насилия, может необоснованно расцениваться как поведение, провоцирующее насильственные действия. Зачастую это создает предпосылки для разногласий в оценке виновности за совершенное преступление. Создаются трудности экспертного и реабилитационного характера. В случае раннего возраста пострадавшей или сомнения в ее когнитивных способностях перед экспертами ставятся вопросы:

1. Насколько пострадавшая осознавала характер совершаемых с нею действий — то есть понимала ли она опасность совершаемых действий, их сексуальный характер и осознавала ли она возможные последствия преступления?
2. Могла ли оказывать адекватное сопротивление — иными словами, использовала ли пострадавшая все возможные для нее способы предотвращения преступления, осознавая при этом опасность совершаемых действий?
3. Может ли пострадавшая давать адекватные показания по совершенному преступлению — то есть имеет ли пострадавшая достаточно данных для нравственной, ситуационной, медицинской оценки преступления, и насколько адекватно она может сообщить об этом суду?

Чтобы правильно оценить поведение пострадавшей на протяжении периода совершаемых в отношении нее криминальных действий, необходимо, прежде всего, понять

субъективную основу ее поступков. Зачастую собственная оценка поступков, предшествующих насилию, является материалом для построения невротических комплексов и психологических защит пострадавшей. Эта оценка, однако, не может ложиться в основу вынесения экспертного решения. Аффективно окрашенные эмоциями страха, тревоги и подавленности, данные действия фиксируются в ее сознании как причина насилия. Пострадавшая чувствует вину за совершенное преступление и, оставаясь невротизированной, девальвирует масштабы и последствия совершенного преступления.

Кроме того, существенное морально-субъективное значение пережитого преступления удаляет пострадавшую от осознания действительных мотивов ее поведения на период преступления. Оба эти обстоятельства свидетельствуют о том, что оценка собственного поведения пострадавшей не всегда адекватно отражает фактическую сторону событий. В данной ситуации специалисту необходимо знать общие закономерности поведения пострадавших и причины их возникновения.

Рассмотрение обстоятельств, предшествующих насилию, часто вызывает определенное недоумение. В одних случаях становится непонятно, почему пострадавшая не предприняла попытки к бегству, когда это было возможно, в других — зачем она своим откровенным поведением стимулировала сексуальное влечение мужчины, если не имела намерения вступить с ним в близость. Внимательное рассмотрение поведения в связи с индивидуально-психологическими особенностями пострадавшей показывает, что целью ее действий, предшествующих преступлению, не является сексуальное преступление в отношении себя (и даже не сексуальный контакт). Зачастую данные действия характеризуют обыкновенный рисунок поведения явно акцентуированной или психопатизированной личности, оказавшейся в подобной ситуации.

Бихевиоральные особенности виктимности преимущественно складываются из непреднамеренно способствующих действий пострадавших (Коньшева Л.В., 1988). Они характеризуются способствующими действиями жертв, за которыми нет намерения испытать в отношении себя сексуальное насилие. По данным Block A.P., 1990, Smith R. (1995), поведенческие особенности, повышающие риск насилия, наблюдаются у 59–70% пострадавших.

В период с 1995 по 2001 годы было исследовано 550 подростков, подвергшихся сексуальному насилию. Наряду с психогенными реакциями у 73% подростков, пострадавших от насилия, выявлялись особенности поведения, которые можно охарактеризовать как условно-подчиняемый и условно-провоцирующий типы. Поведение ряда подростков можно было охарактеризовать как сопротивление, адекватное ситуации.

Условно-провоцирующий тип включал 257 пострадавших (47%). Данный тип характеризуется повышенной способностью привлекать внимание лиц, склонных к агрессии. Характерологическая особенность таких личностей придавать своим поступкам чрезмерную эмоциональную окраску создает у окружающих впечатление эксцентричного, провоцирующего поведения. Нередко, не распознав агрессивных намерений посягателя, такие девушки легко идут на контакт, совместно с ним употребляют алкоголь и другие токсические вещества (наркотики).

Зачастую образ жизни подобных подростков принимает характер постоянного и беззаботного поиска развлечений. Общительность и увеличение контактов с противоположным полом у этих лиц сопровождается или ни к чему не обязывающим с их стороны флиртом, или принятием ухаживаний и знаков внимания.

В ряде случаев насилие над лицами с подобным типом поведения обусловлено тем, что они привлекают к себе внимание окружающих в местах с криминогенной обстановкой.

Стремление к времяпрепровождению в ночных клубах, компаниях с преступной репутацией и т.п. приобретает характер азартного хобби.

Поведение пострадавших с условно-провоцирующим типом поведения, по сути, ничем не отличается от общего агрессивного рисунка поведения представителей данных субкультур, однако индивидуальные особенности потенциальных жертв насилия (ранний возраст, нестандартные внешние данные, эгоцентричный характер, физическая слабость, альтруистические установки и пр.) отделяют их от «толпы» и не позволяют им быть рядовым выразителем «общего зла». В то время, когда их поведение не укладывается в общие рамки, они моментально становятся «чужими» для коллектива, который вымещает на них нереализованную злость.

Личностная оценка насилия пострадавшими: оно воспринимается ими как ситуация, способная повлиять на их благополучие, драматизируется, сопровождается дисфорическими и гневными реакциями.

Условно-подчиняемый тип наблюдался у 148 пострадавших (26%). Это такой тип поведения, который характеризуется повышенной уступчивостью пострадавших побуждениям окружающих. В ситуации насилия пострадавшие с условно-подчиняемым типом поведения проявляют чрезмерную покорность, без возражения исполняют все требования посягателя. Такие астенические личностные проявления, как нерешительность, доверчивость, пугливость, дефензивность, не позволяют пострадавшим противостоять императивным действиям посторонних.

При условно-подчиняемом типе поведения насилию часто предшествует эпизод предварительного знакомства с посягателем. После пережитого насилия пострадавшие также достаточно часто продолжают общение с посягателем и подвергаются повторному насилию. Кратковременное знакомство с посягателем при условно-подчиняемом типе поведения

наблюдается почти в половине случаев, предшествующих насилию, и чуть менее одной трети (28%) пострадавших этой группы подвергается повторному насилию.

В ряде случаев, особенно при домашнем насилии, посягающая сторона создает обстановку систематических и постоянных наказаний. На этом фоне пострадавшая сторона воспринимает эксцессы, связанные с сексуальным насилием, с некоторым облегчением, так как после содеянного негативное внимание со стороны посягателя временно ослабевает.

Характерно, что при возникновении возможности предотвращения насилия (особенно при однократном насилии незнакомым посягателем), пострадавшие часто находятся в состоянии тревожно-фобического оцепенения (которое, по сути, является психологическим коррелятом «реакции мнимой смерти» Э. Кречмера) и не проявляют при этом никаких адекватно защитных действий.

Адекватно-сопротивляющийся тип (26%) характеризуется использованием всех возможных способов предотвращения насилия.

Насилие практически всегда происходит при случайных обстоятельствах. Отметим, что в группе адекватно-сопротивлявшихся не наблюдается случаев совместного употребления психоактивных веществ с посягателем и практически отсутствует предварительное знакомство с преступником. Число обращений представителей этой группы в правоохранительные органы более чем в восемь раз превышает таковое среди личностей с условно-провоцирующим и условно-подчиняемым типом поведения.

Отметим, что у таких пострадавших в значительно меньшей степени наблюдаются психические расстройства, они чаще занимают социально активную позицию и добиваются наказания преступников, совершивших насилие, через уголовно-исполнительную систему.

Таким образом, характерными поведенческими особенностями пострадавших, способствующими совершению

над ними преступления, являются: повышенная уступчивость к императивным действиям окружающих и чрезмерная доверчивость и экспрессивность поведения при реализации лидерских установок. Прогностическая реакция личности выражается в неспособности вовремя распознать преступные намерения и оказать адекватное сопротивление посягателю. Данные поведенческие особенности закономерно вытекают из особенностей характера, являются прямым следствием неправильного воспитания, на чем подробнее остановимся в следующем разделе.

Семейные факторы формирования виктимности подростков

Психосоциальные и объективно-психологические характеристики семей подростков, подвергшихся сексуальному насилию

В семьях, имеющих высокие показатели жестокости над детьми, наблюдается дефицит нравственности отношений между полами и высокая вероятность сексуального насилия (Bentovim A., 1987). Дети, воспитывающиеся в подобных семьях, часто становятся жертвами сексуальных преступлений. В качестве причины возникновения насилия (Бенаму Э., 1997) выделяют не только безнравственность и асоциальность родителей, но и клинически выраженные личностные «аномалии» в виде высоких показателей жестокости, гнева, раздражительности, прослеживающихся в одной семье на протяжении нескольких поколений.

Изучение семейных отношений подростков показало влияние нарушений в воспитании на формирование виктимных качеств. Считается (Вострокнутов Н.В., 1994), что особенности взаимоотношений в асоциальных семьях создают особую «виктимологическую ситуацию», при которой подростки оказываются в группе риска по претерпеванию насилия.

Наши исследования показали влияние нарушений семейного воспитания на формирование виктимных качеств подростков, пострадавших от внесемейного насилия.

Типы нарушений воспитания и виктимологические характеристики поведения подростков по данным опросника АСВ

При помощи опросника АСВ (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В., 1987) за период с 1996 по 2001 годы было обследовано 175 семей девушек в возрасте $16 \pm 4,3$ лет, подвергшихся внесемейному сексуальному насилию. Контрольная группа составила 60 семей девушек подросткового возраста ($15 \pm 5,1$ лет).

Нарушения в воспитании не определялись в 83,3% в контрольной группе и в 48% — в основной, то есть нарушения воспитания в основной группе определяются более чем у половины пострадавших (52%). Потворствующая гиперпротекция в семьях подвергшихся насилию подростков почти в три раза превышает таковую в семьях контрольной группы (28% и 6,67%). Процентные показатели доминирующей гиперпротекции в основной группе более чем в два с половиной раза превышают аналогичные показатели в контрольной группе. Гипопротекция в основной группе также превышает аналогичные показатели в контрольной (6,67% к 3,33%).

Социальный профиль семей основной группы характеризовался тем, что 25,7% семей оказались неполными (из них в 32 семьях отсутствовал отец, в 8 семьях — мать, в остальных случаях отсутствовали оба родителя). В 6,8% семей воспитание осуществлялось кем-то из близких родственников (тетя, бабушка). Около 40% семей основной группы существовали в условиях хронического семейного конфликта. В них (8 семей) отмечалась отягощенность бытовым пьянством и криминальным опытом одного или обоих родителей или наследственная отягощенность по психоневрологическим заболеваниям. В этих семьях чаще всего выявлялись нарушенные типы воспитания.

Примечательно, что среди пострадавших от внесемейного сексуального насилия не встречалось нарушений воспитания по типу повышенной моральной ответственности и жестокого обращения. По-видимому, для подростков из семей с жестоким обращением возможные агрессивные намерения становятся легко осознаваемыми. Эти подростки быстро распознают угрозу насилия и своевременно предпринимают попытки по ее предотвращению. Повышенная моральная ответственность также практически не встречается в группе сексуально-виктимизированных подростков. Вероятно, в результате этого типа воспитания агрессия и принуждение воспринимаются подростками негативно потому, что они имеют четкие представления об обстоятельствах насилия и его последствиях.

Особенности взаимоотношений в семьях подростков — жертв внесемейного насилия (по данным опросника АСВ)

Комплексы и психологические защиты родителей при реализации хронического семейного конфликта имеют специфическое сочетание при отдельных видах нарушенного воспитания.

На диаграмме (рис. 1) указаны количественные показатели психологических проблем родителей (по соответствующим шкалам опросника АСВ), решаемых за счет ребенка.

На диаграмме (рис. 1) отмечены показатели типов нарушенного воспитания в семьях; в порядке от 1 до 11 — очередность психологических проблем родителей.

1. Чрезмерность требований — запретов.
2. Проекция на подростка собственных нежелательных качеств.
3. Неразвитость родительских чувств.
4. Фобия утраты ребенка.

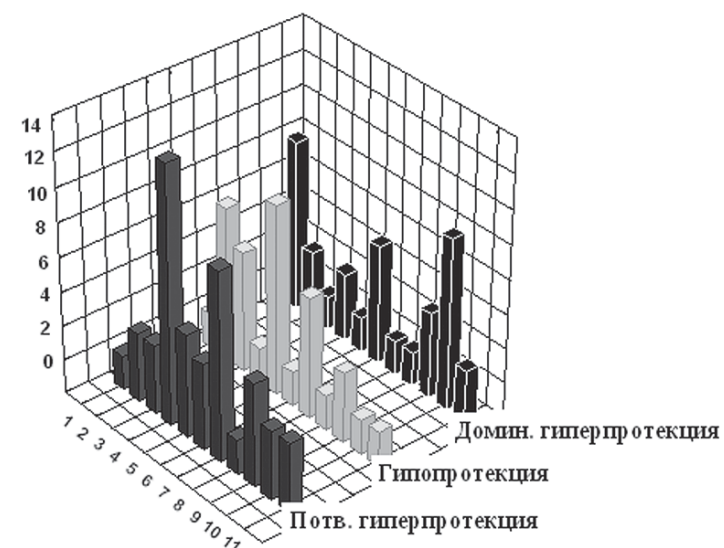

Рис. 1. Количественные показатели психологических проблем родителей (по соответствующим шкалам опросника АСВ), решаемых за счет ребенка

5. Воспитательная неуверенность родителя.
6. Расширение сферы родительских чувств.
7. Минимальность санкций.
8. Чрезмерность санкций.
9. Предпочтение в подростке мужских качеств.
10. Предпочтение в подростке детских качеств.
11. Чрезмерность требований — обязанностей.

Из диаграммы видно, что при потворствующей гиперпротекции наиболее частыми психологическими проблемами являются: фобия утраты ребенка (4) и минимальность